

DOI: 10.31857/S032103910012246-3

ГИМН ДИОНИСУ VI–V вв. до н.э.
ИЗ ПАНТИКАПЕЯ

Н. Н. Казанский

Институт лингвистических исследований Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия

E-mail: nkazansky@iling.spb.ru

Статья посвящена граффито на фрагменте чернолакового килика, обнаруженного в слое рубежа VI–V вв. до н.э. экспедицией ГМИИ им. А.С. Пушкина на горе Митридат в 2016 г. Текст был опубликован в 2018 г. Ф.В. Шеловым-Коведяевым с подзаголовком «Гимн Дионису из Пантикапея». Сопоставление с греческой гимнической традицией позволяет уточнить стихотворный размер фрагмента и показывает, что речь идет об одном из ранних орфических гимнов. В статье предлагается новое восстановление текста.

Ключевые слова: гимн, северно-причерноморское граффито

A HYMN TO DIONYSUS
OF THE 6th–5th CENTURIES BC FROM
PANTICAPAEUM

Nikolai N. Kazansky

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia

E-mail: nkazansky@iling.spb.ru

The article discusses the Greek graffito fragment from Mount Mithridat near Panticapaeum on an attic kylix (type C) dating from the early fifth century BC, discovered in August 2016 by the archaeological expedition of the Pushkin State Museum of Fine Arts, directed by V.P. Tolstikov. This fragment, now in the Eastern-Crimean Historical and Cultural Museum-Preserve (M-2016, оп. № 221), was first published by F.V. Shelov-Kovedyaev in 2018 with the subtitle “Hymn to Dionysos from Panticapaeum”. A comparison with the Greek hymnic tradition shows that the two lines of the fragment must be hexameters, and that the text may be interpreted as one of the earliest Orphic Hymns. A new reconstruction of the text is offered in the paper.

Keywords: hymn, graffito from the Northern Black Sea region

Данные об авторе. Николай Николаевич Казанский – доктор филологических наук, академик РАН, научный руководитель ИЛИ РАН, заведующий Отделом индоевропейского языкознания и ареальных исследований ИЛИ РАН.

Памяти Сергея Ремировича Тохтасьева

Сергей Ремирович Тохтасьев всегда был (горько писать это «был» даже спустя годы после его преждевременной смерти) в курсе новых эпиграфических текстов, которые он любил рассматривать с точки зрения описанных в них жизненных ситуаций, всегда учитывая античную культурную традицию.

О его вкладе в исследование надписей Северного Причерноморья нужно писать отдельную работу. Я здесь упомяну только о его статьях по морфологии греческих имен собственных (часть из них приведена в библиографии), в которых ему удалось продемонстрировать особенности склонения личных имен, в грамматиках греческого языка почти не описанные, но реально существовавшие. Серия статей¹, посвященная этим редким типам словоизменения, вносит существенный вклад в изучение греческого языка как системы. Особенно близкой для меня в пору занятий текстом Гомера была большая статья Сергея Ремировича², опубликованная в журнале «Acta linguistica Petropolitana – Труды Института лингвистических исследований», который я в то время редактировал. Это обширное исследование С.Р. Тохтасьев посвятил отражению на письме двойных согласных в рукописях гомеровских поэм в сопоставлении с эпиграфическими памятниками архаического времени, показав, что традиция бытования гомеровского текста до момента, когда была осуществлена работа александрийских грамматиков по переписыванию текста поэм ионийским письмом, оставалась тесно связанной с особенностями передачи текста архаическими алфавитами древней Греции. С необходимостью учитывать метаграмматизм (μεταγραμματισμός) античных грамматиков сталкиваются все, кто занимается архаической греческой литературой. Мне доводилось писать об этом применительно к тексту Стесихора³. В знаменитой книге Б. Пауэла⁴ рассмотрен вопрос о влиянии гомеровских поэм на становление греческой письменности в общекультурном контексте, но именно Сергей Ремирович в своей статье показал, что в эллинистическом и более позднем оформлении гомеровского текста сохраняются следы орфографических особенностей, представленных в надписях эпохи греческой архаики.

В память о наших беседах с Сергеем Ремировичем и на лингвистические темы, когда он самоотверженно работал над комментариями к Константину Багрянородному⁵, и на темы, связанные с эпиграфикой, мне хочется представить этот небольшой этюд, посвященный сохранившимся фрагментам двух стихотворных строк. Мне не удалось восстановить их полностью. Публикуя то, что получилось, я вспоминаю статьи и доклады Сергея Ремировича, в которых он не боялся оставлять вопросы нерешенными, справедливо полагая, что важнее эти вопросы сформулировать.

¹ Tokhtas'ev 1994; 2000; 2007; 2009; 2011; Tokhtasyev 2007; 2015; 2016.

² Tokhtas'ev 2008.

³ Kazansky 1997.

⁴ Powell 1991.

⁵ Tokhtasyev 2018.

ОП. № 221

Рисунок. Фрагмент аттического чернолакового килика М-2016, оп. № 221. Рис. по: Shelov-Kovedyaev 2018, 72

ван в 2018 г. Ф.В. Шеловым-Коведяевым с подзаголовком «Гимн Дионису из Пантикапея»⁶.

Дошедший фрагмент сосуда выглядит так (см. рисунок). Публикуя фрагмент греческого текста, Ф.В. Шелов-Коведяев отметил, что «если держать черепок краем чаши вниз, в две строки читается» надпись, которую издатель представил в следующем виде:

Διόνυσον πολ[υγηθῆ,
 υ υ — —, υ υ — —
 io io
 τὸ]μ φιλόμολ[πον e.g. ἀείδω / κικλήσκω (vel μήλω κτλ.).
 — υ υ —, υ υ — — (vel υ — — etc.)
 cho io

Ф.В. Шелов-Коведяев совершенно правильно определил не только имя Диониса, читающееся с полной уверенностью, но и его эпитет πολυγηθῆς. При этом несколько моментов, важных для интерпретации текста, нуждаются в уточнении, и им, собственно, и посвящена данная заметка.

Имя Диониса представлено в литературных текстах в двух метрически различающихся формах — Διόνῦσος и Διόνῦσος⁷, причем второй вариант встречается начиная с Гомера (*Il.* VI. 132 и 135; XIV. 325; *Od.* XXIV. 74; *Hymn. Dion.* 1; *Hes. Theog.* 941 и 947; *Op.* 614, etc.). Шелов-Коведяев остановился в своем разборе на первой из упомянутых форм имени Диониса, отказавшись тем самым от гекзаметрической интерпретации текста. Во второй строке фрагмента он восстанавливает артикль при эпитете φιλόμολος: τὸ]μ φιλόμολ[πον.

Эти два обстоятельства — артикль и «безальтернативное» прочтение формы Διόνῦσος, по моему мнению, нуждаются в уточнении. Передача с помощью омикрона открытого долгого /ō/ вместо омеги встречается в эпитафических

⁶ Shelov-Kovedyaev 2018.

⁷ Невозможно определить, какая из этих форм является более древней. Дионис упоминается в крито-микенских текстах, найденных в Пилосе и в Хании (Kazanskienė, Kazansky, 1986, 142): di-wo-nu-so (KH Gq 5) — dat. sg.; di-wo-nu-so-jo (PY Xa 102) — gen. sg.; di-wo-nu-so[...] (PY Xa 1419), — но о количестве гласного слоговая письменность судить не позволяет.

памятниках, поэтому за написанием ΔΙΟΝΥΣΟΣ могло стоять Διόνῦσος и Διώνῦσος. Такая интерпретация позволяет уточнить метрику стиха, опираясь на нередкое окончание гекзаметра, представленное, например, в «Теогонии» Гесиода (Hes. *Theog.* 941⁸):

940 Καδμηϊς δ' ἄρα οἱ Σεμέλη τέκε φαίδιμον υἱὸν
μυχθεῖσ' ἐν φιλότῃτι, Διώνυσον πολυγηθέα,
ἄθανατον θνητῆ· νῦν δ' ἀμφότεροι θεοὶ εἰσιν.

Кадмова дочь, Семела, в любви сочетавшись с Кронидом,
Сына ему родила Диониса, несущего радость,
Смертная – бога. Теперь они оба бессмертные боги.

В стихе 941 Гесиода необходимо читать Διώνῦσον πολυγηθέα с синизесой и с сохранением в графике этимологически правильной формы аккузатива от прилагательного с исходом основы на *-es. Ионийские тексты демонстрируют написания как с контракцией гласных в этой позиции (ср. на Паросе ἀτελεῖς – *IG* XII.5 109), так и без контракции. Важно отметить, что сосуществование слитных и неслитных форм наблюдается не только в тексте Гомера и лириков, но и у Геродота⁹. Предполагается, что тенденция к распространению слитных форм у прилагательных на -ής уравнивалась желанием сохранять их морфологическую узнаваемость¹⁰.

Вероятно, что за произнесением исхода формы аккузатива на -έα <*-es-η̄ в один слог стояла устойчивая традиция произнесения поэтического текста, возможно, не только школьная, но и культовая. Именно последняя скорее всего и предполагала синезесу при чтении Διώνυσον πολυγηθέα у Гесиода.

Стоящее в той же метрической позиции устойчивое словосочетание Διώνυσον πολυγηθέα в орфических гимнах встречается уже только в слитной форме генитива πολυγηθοῦς (44, 3 и 75, 1):

Σεμέλης, θυμίαμα στύρακα.
Κικλήσκω κούρην Καδμηίδα παμβασίλειαν,
εὐειδῆ Σεμέλην, ἔρατοπλόκαμον, βαθύκολλον,
μητέρα θυρσοφόροιο Διωνύσου πολυγηθοῦς... (*Orph.* 44. 3)¹¹

⁸ Пер. В. В. Вересаева. Приводится по: Gasparov 1999.

⁹ Об этом эпитете см. Blanc 2018, 505–506. А. Бланк принимает вторичность композитивов со вторым элементом -γηθής, основанную на интерпретации П. Шантрена (*DELG* s.v. γηθέω) и М. Кюммеля (*LIV*²: 183), признающих этимологическую связь с тохарским В kāsātm «il se réjouit» и интерпретирующих γηθέω как форму древнего итератива, в которой огласовка корня /o/ была заменена на огласовку /e/. Такая же замена (обычная в корнях с исходом на ларингальный) наблюдается в корневом перфекте γέγηθα. Сами прилагательные на -γηθής рассматриваются как первичные (Stüber 2002, 48; Meissner 2006, 89), и уже от них образованы имена существительные γῆθος и γηθοσύνη.

¹⁰ Blanc 2018, 11.

¹¹ Семеле (фимиам, стиракта)
Кличу я Кадмову дочь, всецарицу, прекрасную видом,
Кличу Семелу я пышнокудрявую, с грудью высокой,
Многovesелого мать Диониса, носителя тирса...

(пер. О. В. Смыки, приводится по Takho-Godi 1988, 224.)

Παλαίμονος, θυμίαμα μάνναν.
 Σύντροφε βακχεχόροιο Διωνύσου πολυγηθοῦς,
 δες ναίεις πόντοιο βυθοῦς ἀλικύμονας, ἀγνούς... (*Orph.* 75. 1)¹²

Написание в рукописях *Orphica* 10, 10 αὐτοπάτωρ, ἀπάτωρ, ἐρατή, †πολύγηθε, μεγίστη, с переходом в тематическое склонение создает непреодолимые трудности при интерпретации и заставляет издателей ставить *sux philologorum* перед формой πολύγηθε.

За пределами гекзаметрической поэзии сочетание Διώνυσον πολυγηθέα / Διώνυσον πολυγηθῆ не встретилось, и я склонен видеть в разбираемой надписи два гекзаметрических стиха. Жанр этих строк также сомнений не вызывает: все параллели обнаруживаются в орфических гимнах и в «Теогонии» Гесиода.

Если правильно предположение, что первая строка содержала конец гекзаметрического стиха, то вполне вероятно, что и вторая строка дошедшего текста также должна быть завершением стиха, где Ф.В. Шелов-Коведяев совершенно правильно восполнил φιλόμολον. Этот эпитет очень часто употребляется применительно к Афине (*Theophil. Apol. ad Autolyt.* III. 3. 23¹³, **φιλόμολπος Ἀθήνη** — Nonn. *Dionys.* XXIV. 37) и к Музе (*Stes. PMG* 16. 11 ...καὶ ἔστιν ἡ μὲν ἀρχή· δεῦρ' αὖτε **θεὰ φιλόμολπε**...), но мне не встретилось случая, когда этот эпитет стоял бы рядом с именем Диониса.

Впрочем, любовь Диониса к песне была достаточно устойчивой его характеристикой, ср. обращение в орфическом гимне Διώνυσε χορευτά (*Orph.* I. 9). В разбираемом фрагменте Дионис определен как πολυγηθῆς («многовеселый» в переводе О.В. Смыки) и φιλόμολπος «любящий песни». В греческой литературе встречается сочетание χρυσοκόμα φιλόμολπε, которое впервые засвидетельствовано у Алкмана (χρυσοκόμα φιλόμολπε: *Alcm. S* 1. 1) и затем представлено как цитата у Аристофана¹⁴ и других поэтов. Характерно, что в «Теогонии» Гесиода прилагательное χρυσοκόμης определяет Диониса в начале стиха 947: χρυσοκόμης δὲ Διώνυσος. Именно эти свидетельства позволяют допустить, что второй гекзаметрический стих заканчивался словами χρυσοκόμη]μ φιλόμολ[πον.

Дальнейшее рассуждение может строиться только на одном из двух допущений. 1) Мы можем предполагать, что обе строки содержат эпитеты Диониса и принять вывод Ф.В. Шелова-Коведяева: «φιλόμολπος, “любящий пение и танец”, был среди прилагательных, начинающихся на φιλο-, фаворитом у поэтов раннего V в. до Р.Х.¹⁵ Но вот в связке с Дионисом он, хотя и ожидаемо, встречается впервые. Получение из боспорского материала нового Дионисова *Weiname* само по себе трудно переоценить». 2) Мы можем думать, что эпитеты второй строки

¹² Палемону (фимиам, манна)
 Ты, кто возрос с Дионисом, водителем хоров веселых,
 Ты, обитатель священного моря просторов соленых!

(пер. О.В. Смыки, приводится по Takho-Godi 1988, 255.)

¹³ *Theophil. Apol. Ad Autolyt.* III. 3. 23: τί μοι λοιπὸν καταλέγειν τὰ περὶ Ποσειδῶνος καὶ Ἀπόλλωνος ἢ Διονύσου καὶ Ἡρακλέους, Ἀθηνᾶς τῆς φιλομόλου καὶ Ἀφροδίτης τῆς ἀνασχύντου, ἀκριβέστερον πελοπηκότων ἡμῶν ἐν ἑτέρῳ τὸν περὶ αὐτῶν λόγον;

¹⁴ χρυσοκόμα φιλόμολπε. Ἀλκμᾶνος ἡ ἀρχή. Ср. *Aristoph. Fr.* 56. 52.

¹⁵ Шелов-Коведяев (*Shelov-Kovedyaev* 2018, 71) ссылается здесь на работу Moore 2012, 20.

относятся к другому божеству, например к Музе или Афине, для которых эпитет φιλόμολτος обычен.

Выше уже упоминалось, что словосочетание Διώνυσον πολυγηθέα стоит у Гесиода в конце стиха (*Theog.* 947). Похоже, что на сосуде мы имеем написанные одно над другим окончания двух гекзаметрических стихов, возможно, восходящих к гимнической поэзии.

Н.И. Новосадский, разбирая композицию сборника орфических гимнов, выделял тринадцать гимнов, посвященных Дионису и его окружению, считая их центральными¹⁶. Разбираемый нами отрывок текста по своей структуре напоминает орфический гимн *Orph.* 30¹⁷:

Κικλήσκω Διώνυσον ἐρίβρομον, εὐαστήρα,
 πρωτόγονον, διφυῆ, τρίγονον, Βαχχεῖον ἄνακτα,
 ἄγριον, ἄρρητον, κρύφιον, δικέρωτα, δίμορφον,
 κισσόβρονον, ταυρωτόν, Ἄρηιον, εὔιον, ἀγνόν,
 ὠμάδιον, τριετῆ, βοτρυηφόρον, ἐρνεσίπελλον

В пяти строках этого орфического гимна подряд стоят 20 эпитетов Диониса в аккузативе. Подобное нанизывание эпитетов вообще характерно для орфических гимнов. Сама орфическая традиция может рассматриваться как надежно засвидетельствованная для V–IV вв., поскольку уже папирус из Девени прямо упоминает об орфических гимнах (ср. fr. 398 F Vernabé = *P. Derveni* col. 22.7)¹⁸. Как А. Бернабе¹⁹, так и рецензенты²⁰ отметили правдоподобность того, что орфические гимны уже в это раннее время представляли собой перечисление эпитетов божества — традиция, которая продолжалась до позднеантичных текстов. Ограничить текст гимна только призывом к божеству означало сделать гимн предельно кратким. Мне представляется, что именно это качество орфических гимнов подчеркивал Павсаний, специально их изучавший (IX. 30. 12: ὅστις δὲ περὶ ποιήσεως ἐπολυτραγμόνησεν ἤδη, τοὺς Ὀρφέως ὕμνους οἶδεν ὄντας ἕκαστόν τε αὐτῶν ἐπὶ βραχύτατον καὶ τὸ σύμπαν οὐκ ἐς ἀριθμὸν πολλὸν πελορημένους²¹). Под эту характеристику краткости вполне подходят и два гекзаметрических стиха, сохраненных на обломке чаши.

¹⁶ Novosadsky 1900, 42–52.

¹⁷ В русском переводе О.В. Смыки излишне громоздкие формы аккузативов в русском языке не могли быть представлены и заменены именительным падежом:

XXX Дионису (фимиам, стиракта)

Я Диониса зову, оглашенного криками «эйа»!
 Перворожденный и триждырожденный, двусущий владыка,
 Незреченный, неистовый, тайный, двухвидный, двурогий,
 В пышном плоче, быколикий, «эвой» восклицающий, бурный,
 Мяса вкуситель кровавого, чистый, трехлетний, увитый...

¹⁸ Сердечно благодарю А.В. Лебедева за это указание.

¹⁹ Vernabé 2004.

²⁰ Betegh 2007, 264.

²¹ «Кто занимался вопросами поэзии, тот знает, что все гимны Орфея каждый в отдельности очень коротки и что всех их немного» (пер. С.П. Кондратьева).

Ясно, что имя Диониса в аккумулятиве и все эпитеты должны зависеть от глагола, требовавшего прямого дополнения²² и что за стоящим в конце строк аккумулятивом не могли следовать $\acute{\alpha}\epsilon\acute{\iota}\delta\omega$ или $\xi\rho\chi\omicron\mu'$ $\acute{\alpha}\epsilon\acute{\iota}\delta\epsilon\upsilon\upsilon$ «буду воспевать».

Сходные контексты, встречающиеся в греческой литературе, дают основание восполнить надпись глаголом со значением «воспевать» в первом лице²³. Представляется, что именно зачин текста, подобного зачину орфических гимнов, и должен быть восполнен в начале стиха. Глагол $\acute{\alpha}\epsilon\acute{\iota}\delta\omega$ или $\kappa\iota\kappa\lambda\acute{\eta}\sigma\kappa\omega$ ²⁴ предлагал восстанавливать и Ф. В. Шелов-Коведяев, но он не исключал из рассмотрения и $\xi\rho\chi\omicron\mu'$ $\acute{\alpha}\epsilon\acute{\iota}\delta\epsilon\upsilon\upsilon$.

Точно восполнить начало даже первого стиха – $\upsilon\upsilon - \upsilon\upsilon - \upsilon \Delta\iota\omega\nu\upsilon\sigma\omicron\mu$ $\rho\omicron\lambda[\upsilon\gamma\eta\theta\acute{\epsilon}\alpha$ непросто из-за количества слогов: очевидно, что между глагольной формой и именем Диониса остается место для еще одного слова, с кратким конечным слогом. Это не может быть глагол, как в гомеровском гимне 1, 20 $\chi\alpha\acute{\iota}\rho\epsilon$, $\Delta\iota\omega\nu\upsilon\sigma'$; наиболее правдоподобно восстанавливать для этой позиции только эпитет в аккумулятиве на $-\alpha < *-\eta$ или приложение типа $\acute{\alpha}\nu\alpha\kappa\tau\alpha$ / $\beta\alpha\sigma\iota\lambda\acute{\eta}\alpha$.

Вероятнее всего, обе строки содержали эпитеты Диониса в аккумулятиве, причем из 20 перечисленных в гимне *Orph.* 30 по метрическим и грамматическим соображениям подходят только три: $\epsilon\upsilon\alpha\sigma\tau\acute{\eta}\rho\alpha$, $\beta\alpha\kappa\chi\epsilon\acute{\iota}\omicron\nu$ $\acute{\alpha}\nu\alpha\kappa\tau\alpha$ и $\delta\iota\kappa\acute{\epsilon}\rho\omega\tau\alpha$. По смыслу вполне подходила бы форма $\acute{\alpha}\nu\alpha\kappa\tau\alpha$ и в разбираемом фрагменте, имея в виду, что Дионис так и назван, например, в орфической «Аргонавтике» (ср. $\Delta\iota\omega\nu\upsilon\sigma\omicron\iota$ $\acute{\alpha}\nu\alpha\kappa\tau\omicron\varsigma$ – *Argonaut.* 1245) или $\beta\alpha\sigma\iota\lambda\acute{\eta}\alpha$ (ср. $\beta\alpha\sigma\iota\lambda\acute{\eta}\alpha$ $\mu\acute{\epsilon}\gamma\iota\sigma\tau\omicron\nu$ в *Orph.* 39. 1).

Во всех этих случаях, как можно видеть, часто за глаголом $\kappa\iota\kappa\lambda\acute{\eta}\sigma\kappa\omega$ следуют эпитеты и приложения к имени божества. Я бы предложил восстанавливать приложение $\acute{\alpha}\nu\alpha\kappa\tau\alpha$ или $\beta\alpha\sigma\iota\lambda\acute{\eta}\alpha$, тогда эпитеты будут следовать уже за именем Диониса. Поскольку форма $\acute{\alpha}\nu\alpha\kappa\tau\alpha$ не идеальна для данной метрической

²² При этом А.-Ф. Моран (Morand 2015, 220) наиболее обычную структуру текста описывает так: «В абсолютном большинстве случаев инвокация состоит из формы глагола, за которым следует имя божества или эпиклеза в вокативе».

²³ В орфических гимнах и у Гесиода имя Диониса в аккумулятиве встречается в повествовании о Семеле, которая родила Диониса.

²⁴ *Orph.* 20. 1 $\text{Κικλήσκω μέγαν, ἄγνόν, ἔρισμάραγον, περίφαντον...}$

Orph. 39. 1–9 $\text{Κικλήσκω χθονὸς ἀενάου βασιλῆα μέγιστον, Κύρβαντ' ὀλβιόμοιρον, Ἄρηιον, ἀπροσόρατον, νυκτερινὸν Κουρήτα, φόβων ἀποπαύστορα δεινῶν, φαντασιῶν ἐπαρωγόν, ἐρημοπλάνον Κορύβαντα, αἰολόμορφον ἄνακτα, θεὸν διφυῆ, πολύμορφον, φοῖνιον, αἶμαχθέντα κασιγνήτων ὑπὸ δισσῶν...}$

Orph. 44. 1–3 $\text{Κικλήσκω κούρην Καδμηίδα παμβασιλείαν, εὐειδῆ Σεμέλην, ἐρατοπλόκαμον, βαθύκολπον, μητέρα θυρσοφόροιο Διωνύσου πολυγηθοῦς,}$

Orph. 47. 1 $\text{Κικλήσκω Βάκχον περικίονιον, μεθυδότην...}$

Orph. 58. 1–4 $\text{Κικλήσκω μέγαν, ἄγνόν, ἐράσμιον, ἠδὺν Ἔρωτα, τοξαλκῆ, πτερόεντα, πυρίδρομον, εὐδρομον ὄρμηϊ, συμπαίζοντα θεοῖς ἢ δὲ θνητοῖς ἀνθρώποις, εὐπάλαμον, διφυῆ, πάντων κληῖδας ἔχοντα...}$

позиции и требовала бы дополнительного слога, можно использовать эпическую форму βασιλῆα, которая дает правильное метрическое восполнение:

κικλήσκω βασιλῆα Δι]ώνυσον πολ[υγηθέα,
– u u – u u – u u χρυσοκόμη]μ φιλόμολ[πον

Слово βασιλεύς не самое частотное в применении к божеству, но, как давно замечено (*LSJ* s.v.), оно заменило гомеровское ἄναξ. Такое употребление находит параллель в *Orph.* 39. 1 (βασιλῆα μέγιστον), а также в эпитете матери Диониса, ср. *Orph.* 44. 1–3 Κικλήσκω κόυρην Καδμηίδα παμβασιλείαν.

В качестве альтернативного решения можно восстановить глагол αείδω, однако такое расположение слов не имеет параллелей в орфических гимнах:

Μοῦσ', αείδε ἄνακτα Δι]ώνυσον πολ[υγηθέα,
– u u – u u – u u χρυσοκόμη]μ φιλόμολ[πον

Гимническая поэзия консервативна в своих приемах²⁵, поэтому нанизывание эпитетов в аккузативе после κικλήσκω кажется предпочтительным восполнением. Следует специально подчеркнуть, что все предложенные восстановления так и остаются восстановлениями *exempli gratia*, однако не отменяют правдоподобности общей интерпретации текста как зачина орфического гимна, значительно более раннего, чем те, которые вошли в состав известного сборника²⁶. Очевидна графическая условность в написаниях: конечное -v отражается как -μ перед губным согласным в начале следующего слова, что представлено в ряде ионийских диалектов и отражает разговорную форму в потоке речи. Омикрон передает /о/ долгое открытое. Не вызывает сомнений, что эпитет χρυσοκόμης и словосочетание Δι]ώνυσον πολ[υγηθέα восходят к Гесиоду; последнее присутствует и в гимнах орфической традиции, которая была хорошо известна и в Северном Причерноморье. Сама орфическая традиция развивается начиная с VI в. до н.э., поэтому приходится думать либо об орфическом тексте достаточно раннего времени, либо просто о гимнической традиции, напрямую с орфиками не связанной, а отражающей культовые песнопения, построенные по тому же принципу нанизывания эпитетов и эпиклез божества, которую так щедро демонстрируют позднейшие орфические гимны.

Маловероятно, чтобы эти два фрагментарно дошедшие стиха принадлежали местному поэту. Нам известен стих из «Малой Илиады», написанный на обломке

²⁵ Греки не противопоставляли гимны и эпическую поэзию, однако различие между строением фразы в гекзаметре традиционного гимна и в эпической поэзии должно было существовать. М. Уэст не случайно отметил, что гимны передают «картину радостного и экономного увлечения религией литературно образованного горожанина и его друзей» (West 1983, 29; пер. А. С. Кузнецовой и Е. В. Афонасина).

²⁶ Вызывает дискуссию датировка ряда орфических текстов, например орфической «Теогонии», для которой М. Уэст (West 1983, 229) принимал раннюю дату, в то время как Л. Бриссон (Brisson 1990) был склонен ее относить ко времени ок. 100 г. до н.э. Составление орфических гимнов часто относят к периоду империи. Фр. Граф (Graff 2009) подчеркивает продуманную структуру сборника орфических гимнов и датирует их достаточно поздним временем.

сосуда и определенный как цитата Ю. Г. Виноградовым²⁷. Сопоставление с этим граффито уже предложил Ф. В. Шелов-Коведяев, предполагая, что текст был нанесен на уже разбитый сосуд, как и двустороннее граффито на черепке из Ольвии. Напомним, что читать текст можно, только «если держать черепок краем чаши вниз»²⁸. На целой чаше процарапать надпись, конечно, возможно, если перевернуть ее вверх ножкой, однако для чтения такое расположение текста на чаше неудобно, поскольку текст окажется написанным вверх ногами. Если надпись появилась, когда сосуд уже был разбит, а его обломки были использованы в качестве писчего материала, то и закругленный бортик сосуда не царапал руку, державшую обломок, и текст располагался не вверх ногами, а размеры бортика позволяли писавшему разместить две строки стихотворного текста.

Такое предположение имеет, однако, серьезный недостаток, поскольку не учитывает содержания текста. Гимн Дионису естественно было бы писать на чаше, пока она оставалась целой. Дошедший фрагмент по своему содержанию едва ли мог входить в круг текстов, связанных со школьным образованием. Правдоподобнее предполагать, что надпись была нанесена на целый килик, хотя писавший держал его ножкой вверх, так что едва ли надпись могла быть сделана для симпозиа и во время симпозиа. В нашем распоряжении имеется несколько надписей на сосудах, которые приходится читать вверх ногами. Обычно такие надписи наносились на внешней поверхности, но в нашем случае надпись идет по внутреннему ободку чаши. В качестве неполной параллели можно указать на книдскую чашу середины VI в. до н.э.²⁹ из храма Аполлона Милесия в Навкратисе, надпись на которой должна была читаться вверх ногами. Не исключена посвятельная функция арибалла середины VII в. до н.э.³⁰, найденного на Эвбее (возможно, в Эретрии). Доказать, что такие «перевернутые» надписи специально делались на вотивных предметах, не представляется возможным, однако книдская параллель к разбираемому фрагменту показывает, что надписи на чашах не всегда наносились так, чтобы их было удобно читать, пригубив вино из чаши.

Можно высказать предположение, что перед нами фрагментарный текст одно-го из древнейших орфических гимнов, запечатленный на вотивном сосуде:

κικλήσκω βασιλῆα Διῶνυσοῦ πολ[υγηθέα,
— υ υ — υ υ — υ υ χρυσοκόμη]μ φιλόμολ[πον

Я призываю царя]Диониса, несущего радость,
]златокудрого бога, любителя пенья.

Литература/ References

- Bernabé, A. 1988: *Orphei Hymnorum Concordantia*. Hildesheim—Zürich—New York.
Bernabé, A. (ed.) 2004: *Poetae Epici Graeci. Orphicorum et Orphicis similibus testimonia et fragmenta*. Pars II. Fasc. 1. (Bibliotheca Teubneriana). München—Leipzig.

²⁷ Vinogradov 1969.

²⁸ Shelov-Kovedyev 2018, 71.

²⁹ Jeffery 1961, 357, pl. 68, no. 32a.

³⁰ Jeffery 1961, 88, pl. 6, no. 22.

- Betegh, G. 2007: (Rev.) A. Bernabé (ed.), *Orphicorum et Orphicis similibus testimonia et fragmenta. Poetae Epici Graeci. Pars II. Fasc. 1.* München–Leipzig, 2004. *Exemplaria Classica* 11, 259–268.
- Blanc, A. 2018: *Les adjectifs sigmatiques du grec ancien. Un cas de métamorphisme dérivationnel.* Innsbruck.
- Brisson, L. 1990: Orphée et l'Orphisme à l'époque impériale: témoignages et interprétations philosophiques de Plutarque à Jamblique. In: H. Temporini, W. Haase (Hrsg.), *Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt.* Bd. 36/4, 2867–2932.
- Gasparov, M.L. (ed.) 1999: *Ellinskie poety VII–III vv. do n.e. Epos. Elegiya. Yamy. Melika* [Greek Poets of 7th–3rd Cent. B.C. Epic Poetry. Elegy. Iambic Poetry. Melic Poetry]. Moscow.
- Гаспаров, М.Л. (ред.). *Эллинские поэты VII–III вв. до н.э. Эпос. Элегия. Ямбы. Мелика.* М.
- Graf, Fr. 2009: Serious singing: the Orphic hymns as religious texts. *Kernos* 22, 169–182.
- Jeffery, L.H. 1961: *The Local Scripts of Archaic Greece: A Study of the Origin of the Greek Alphabet and its Development from the Eighth to the Fifth Centuries B.C.* Oxford.
- Kazanskienė, V.P., Kazansky, N.N. 1986: *Predmetno-ponyatiynny slovar' grecheskogo yazyka. Kritomikenskiy period* [Dictionary of Objects and Notions of the Greek Language. Mycenaean Period]. Leningrad.
- Казанскене, В.П., Казанский, Н.Н. *Предметно-понятийный словарь греческого языка. Критомикенский период.* Л.
- Kazansky, N.N. 1997: *Principles of the Reconstruction of a Fragmentary Text (New Stesichorean Papyri).* Saint Petersburg.
- Meissner, T. 2006: *S-Stem Nouns and Adjectives in Greek and Proto-Indo-European. A Diachronic Study in Word Formation.* Oxford.
- Moore, Chr. 2012: The name-calling origin of the *philosophos*. *Drafts of Pennsylvania State University.* July 2012, 1–42.
- Morand, A.-F. 2015: The narrative techniques of the Orphic hymns. In: A. Faulkner, O. Hodkinson (eds.), *Hymnic Narrative and the Narratology of Greek Hymns.* (Mnemosyne Supplements: Monographs on Greek and Latin Language and Literature, 384). Leiden–Boston, 209–223.
- Novosadsky, N.I. 1900: *Orficheskie gimny* [Orphic Hymns]. Warsaw.
- Новосадский, Н.И. *Орфические гимны.* Варшава.
- Powell, B.V. 1991: *Homer and the Origin of the Greek Alphabet.* Cambridge.
- Shelov-Kovedyaev, F.V. 2018: [Ancient Greek poetry on Bosphorus Cimmerian]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Herald of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod] 6, 71–80.
- Шелов-Коведяев, Ф.В. Древнегреческая поэзия на Боспоре. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского* 6, 71–80.
- Stüber, K. 2002: *Die primären s-Stämme des Indogermanischen.* Wiesbaden.
- Takho-Godi, A.A. (ed.) 1988: *Antichnye gimny* [Ancient Hymns]. Moscow.
- Тахо-Годи, А.А. (ред.). *Античные гимны.* М.
- Tokhtas'ev, S.R. 1994: [From the onomastics of the Northern Black Sea Area. III–IV]. *Hyperboreus* 1/1, 155–166.
- Тохтасьев, С.Р. Из ономастики Северного Причерноморья: III–IV. *Hyperboreus* 1/1, 155–166.
- Tokhtas'ev, S.R. 2000: [From the onomastics of the Northern Black Sea Area. X–XVII]. *Hyperboreus* 6/1, 124–156.
- Тохтасьев, С.Р. Из ономастики Северного Причерноморья: X–XVII. *Hyperboreus* 6/1, 124–156.
- Tokhtas'ev, S.R. 2007: From the onomastics of the Northern Black Sea Area. XX: Notes on morphology. In: A.D. Stolyar, I.L. Tikhonov, S.R. Tokhtas'ev, I.V. Tunkina (eds.), *ΕΥΧΑΡΙΣΤΗΡΙΟΝ. Antikovedchesko-istoriograficheskiy sbornik pamyati Yaroslava Vital'evicha Domanskogo (1928–2004)* [ΕΥΧΑΡΙΣΤΗΡΙΟΝ. Collection of Papers in Memory of Ya.V. Domansky (1928–2004)]. Saint Petersburg, 82–118.
- Тохтасьев, С.Р. Из ономастики Северного Причерноморья. XX: Заметки по морфологии. В сб.: А.Д. Столяр, И.Л. Тихонов, С.Р. Тохтасьев, И.В. Тункина (ред.), *ΕΥΧΑΡΙΣΤΗΡΙΟΝ. Антиковедческо-историографический сборник памяти Ярослава Витальевича Доманского (1928–2004).* СПб., 82–118.
- Tokhtas'ev, S.R. 2008: On the orthography of Homeric manuscripts of the archaic period: I. *Acta linguistica Petropolitana* IV/1, 64–95.

- Тохтасьев, С.Р. К орфографии рукописей Гомера в архаический период. I. *Acta linguistica Petropolitana* IV/1, 64–95.
- Tokhtas'ev, S.R. 2009: Declension of anthroponyms in -ᾱς -ᾱτος, -οῦς -οῦτος. *Indoeuropeyskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya* [*Indo-European Linguistics and Classical Philology*] 13, 506–515.
- Тохтасьев, С.Р. Тип склонения антропонимов -ᾱς -ᾱτος, -οῦς -οῦτος. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 13, 506–515.
- Tokhtas'ev, S. R. 2011: [A rarely attested declension of personal names (-ᾱς, -ᾱτος, etc) in the inscriptions from Bosphorus]. *Indoeuropeyskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya* [*Indo-European Linguistics and Classical Philology*] 15, 513–544.
- Тохтасьев, С.Р. Редкий тип склонения антропонимов в боспорских надписях: -ᾱς, -ᾱτος и т.п. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 15, 513–544.
- Tokhtasyev, S.R. 2007: [From the onomastics of the North Pontic Area. XIX: Asia Minor Names at Bosphorus (V–IV c. BC)]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 1, 170–208.
- Тохтасьев, С.Р. Из ономастики Северного Причерноморья. XIX: малоазийские имена на Боспоре (V–IV вв. до н.э.). *ВДИ* 1, 170–208.
- Tokhtasyev, S.R. 2015: From the onomastics of the Northern Black Sea Area. XXII. Several Scythian and Sarmatian personal names. *Indoeuropeyskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya* [*Indo-European Linguistics and Classical Philology*] 19, 890–898.
- Тохтасьев, С.Р. Из ономастики Северного Причерноморья. XXII. Несколько скифских и сарматских имен. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 19, 890–898.
- Tokhtasyev, S.R. 2016: [From the onomastics of the Northern Black Sea Area. XXIII]. *Indoeuropeyskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya* [*Indo-European Linguistics and Classical Philology*] 20, 999–1010.
- Тохтасьев, С.Р. Из ономастики Северного Причерноморья. XXIII. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 20, 999–1010.
- Tokhtasyev, S.R. 2018: *Yazyk traktata Konstantina Bagryanorodnogo «De administrando imperio» i ego inoyazychnaya leksika* [*The Language of the Treatise of Constantinus Porphyrogenetes “De administrando imperio” and Its Non-Greek Lexica*]. Saint Petersburg.
- Тохтасьев, С.Р. *Язык трактата Константина Багрянородного «De administrando imperio» и его иноязычная лексика*. СПб.
- Vinogradov, Yu.G. 1969: [Cyclic poetry in Olbia]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 3, 142–150.
- Виноградов, Ю.Г. Киклические поэмы в Ольвии. *ВДИ* 3, 142–150.
- West, M.L. 1983: *The Orphic Poems*. Oxford.